

УДК 371.47.022

Степанова Л.А.*(г. Москва)*

О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
НАСЛЕДИЯ А.С. МАКАРЕНКО.
(К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Аннотация. В статье рассматриваются современные подходы к изучению педагогического наследия выдающегося отечественного педагога А.С. Макаренко. Автор делает акцент на анализе существующих в теории педагогики оценок системы педагога и ее прогностической значимости для современной практики социального воспитания.

Ключевые слова: методология исследования, социальное воспитание, пенитенциарная практика, педагогическое мастерство, авторитет педагога.

L. Stepanova*(Moscow)*

ABOUT THE METHODOLOGY OF RESEARCHES
OF A.S.MAKARENKO'S PEDAGOGICAL HERITAGE
(DEDICATED TO A.S.MAKARENKO'S 125TH ANNIVERSARY).

Abstract. The article examines modern approaches to studying the pedagogical heritage of an outstanding Russian teacher A.S.Makarenko. The article emphasizes the analysis of the existing estimates of his system by the theorists of pedagogics as well as its prognostic importance for modern practice of social education.

Key words: research methodology, social education, penitentiary practice, pedagogical skill, teacher's authority.

В одном из последних писем Горькому, датированном октябрём 1935 г., Макаренко, заканчивая работу над «Педагогической поэмой», писал: «А после «Педагогической поэмы» я мечтаю не о пьесах, а о таком большом деле... Я хочу написать большую, очень большую работу, серьёзную книгу о советском воспитании. ...Вы даже представить себе не можете, Алексей Максимович, сколько у меня скопилось за 30 лет работы мыслей, наблюдений, предчувствий, анализов, синтезов. Жалко будет, если все это исчезнет вместе со мной...» [5, с. 523]. Время, конечно, внесло свои коррективы в сомнения Макаренко, несмотря на то, что последнему его замыслу в полной мере не суждено было сбыть-

ся. Прошли десятилетия, а интерес к его педагогике, грандиозному социально-педагогическому опыту не только сохраняется, но и продолжает наполняться новым смыслом.

Великий труженик и многогранная личность, Макаренко как истинный пассионарий, увлеченный до одержимости идеей воспитания беспризорных детей и несовершеннолетних правонарушителей радостью труда, культивированием любви к жизни, направил дарованный ему от природы талант человеколюбия на реализацию плодотворного и перспективного проекта, успех которого в значительной мере был предопределён самой личностью педагога. «Только тот, кто в детстве потерял семью, – говорил Макаренко, – кто не унес с собой в длинную жизнь никакого запаса тепла, тот хорошо знает, как иногда холодно становится на свете, только тот поймет, как это дорого стоит, – забота и ласка...» [3, с. 314]. Макаренко впервые ввел такое понятие, как «концентрированное детское горе», в котором отразилась глобальная идея педагога – усовершенствование окружающей среды на основе свободы и справедливости. Все многочисленные дела, идеи и начинания Макаренко воплотились в созданной им системе, глубоко демократичной, построенной на самоуправлении, гражданском самосознании, взаимном уважении педагогов и воспитанников, которая оказала позитивное воздействие на судьбу более чем трех тысяч беспризорников и правонарушителей, причем без случаев рецидива. Не случайно Германия, в которой зарождалась традиция воспитания покинутых и испорченных детей в специально созданных приютах («Rauhes Haus»), организованных как школы-хозяйства, одной из первых западноевропейских стран занялась творческой переработкой идей А.С. Макаренко, выделив значительные средства на исследование его наследия, итогом чего явилось 20-томное издание трудов педагога.

Однако сегодня А.С. Макаренко, чей педагогический и литературный талант признан во всем мире, прежде всего, нуждается не в славословии, которого он по отношению к себе не любил, а в решении более сложной задачи, стоящей перед научно-педагогическим сообществом – без предубеждения понять значение поднятых им проблем в контексте перспективы для наших дней. Гётц Хиллиг, известный представитель западного макаренковедения, по этому поводу сказал: «Период конфронтации уже давно позади – впереди лишь перспектива плодотворного сотрудничества! Если мы не хотим, чтобы наш герой в ходе разрушения всего, что считается советским, был предан забвению и «по-новому» сфальсифицирован, мы должны объединить все наши силы, духовные и материальные ресурсы и посвятить себя изданию всех

трудов и достоверной биографии А.С. Макаренко, невзирая на политическую и идеологическую конъюнктуру. Только таким путем можно создать надежную основу для научного анализа вклада Макаренко в историю педагогики, в решение ее самых актуальных задач. И сделать это пока еще не поздно!...» [9, с. 73–77].

Вместе с тем эти и другие справедливые призывы макаренковедов, защитивших и сохранивших достойное место педагога в мировой и отечественной педагогике и культуре в период очередного рецидива нападков на его систему в 90-е гг., к более внимательному осмыслению наследия педагога в качественно иных социально-исторических условиях не новы – это было и раньше. Вопрос в том, в каком ключе должно осуществляться «новое прочтение» макаренковских идей и принципов, к которому призывают ученые, и какова его специфика сегодня? Не секрет, что долгие годы отношение к наследию педагога носило преимущественно академический характер, в этом процессе принимали самое активное участие теоретики педагогики, ученые-психологи, деятели культуры, студенчество. Эта же тенденция продолжает сохраняться и сегодня, несмотря на то, что творчество Макаренко, начиная со второй половины XX в. и, особенно, с последней его трети, стало изучаться в теории и практике других направлений – юридической психологии, сравнительной педагогики, социальной педагогики и др. В результате наметился заметный разрыв между теоретическими (в том числе фундаментальными) разработками и системным анализом практики в ее неразрывной связи с исследованием макаренковских педагогических воззрений, что в целом позволило бы увидеть перспективу идей педагога в меняющихся условиях. На сегодняшний день таких обобщающих трудов единицы [8].

Обращает внимание на себя и тот факт, что в большинстве публикаций (этим в большей степени отличаются отечественные работы) – от дискуссионных статей до фундаментальных исследований, посвященных Макаренко и его системе, с очевидной степенью цикличности доминируют полярные по своей сути оценки: от откровенного неприятия системы Макаренко и навешивания ярлыков – до его канонизации, хотя последнюю правильнее было бы назвать догматизацией представлений о самом Макаренко и его практике. Данное обстоятельство как свидетельство присутствующей идеологической и педагогической конъюнктуры разных лет в подходах к переоценке наследия педагога является препятствием для более живого восприятия прошлого, основанного на исключении пристрастных суждений в его освещении.

В непосредственной связи с отмеченным выше высвечивается проблема, относящаяся к контекстному подходу в оценке личности

и деятельности А.С. Макаренко (как, впрочем, и других выдающихся педагогов прошлого), основанного на выявлении системы ключевых факторов, которые определяли наиболее реальную картину и специфику изучаемого периода. [1, с. 54–55].

При очевидности того, что современная оценка системы А.С. Макаренко должна объективно соотноситься с ярким воплощением парадигмы «школы труда» в практике других, не менее известных педагогов 20–30–х гг., следует заметить, что данное обстоятельство не может выступать главным и единственным обоснованием изменения представления о его деятельности как уникальной, хотя данное утверждение имеет под собой почву [1]. Действительно, идея воспитания нового человека, «выращенного» в условиях принципиально иной системы образования, особое внимание в которой уделялось трудовому воспитанию во всех его проявлениях, в первые послеоктябрьские годы была положена в основу работы многих учебно-воспитательных заведений, в том числе и инновационных опытно-показательных учреждений, призванных «изыскивать пути и средства к действительному осуществлению идей трудовой школы, установлению связи школы с жизнью, к выявлению новых методов школьной работы» [7, с. 86]. Такие учреждения, как Первая Опытная станция С.Т. Шацкого, Шатурская опытная станция, Московская опытно-показательная школа им. П.Н. Лепешинского М.М. Пистрака, «Школа жизни» Н.И. Поповой, школа-коммуна «Красные зори» И.В. Ионина и др. сыграли особую роль в становлении новой системы образования и воспитания, составив золотой фонд отечественной педагогики.

Однако все же важно учитывать то обстоятельство, что деятельность показательных учреждений, работавших в парадигме «школы труда», при всей ценности их опыта, была направлена в соответствии с официальными установками на совершенствование системы школьного образования. Между тем в параллельно создававшихся учреждениях – колониях и школах-коммунах, при общем их подчинении Наркомпросу, формировалась особенная практика – практика перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей и беспризорных детей с асоциальным и нередко криминальным опытом, причем в исключительно специфических условиях, гораздо более тяжелых по сравнению с опытно-показательными организациями. И система Макаренко формировалась в процессе освоения чудовищных условий, которые описаны самим педагогом в его письмах и «Педагогической поэме». «Сейчас мы помещаемся в 10 верстах от Полтавы в имении б. помещиков Трепке. Получили мы это имение еще в 1920 г. в совершенно разрушенном виде и до ноября 1924 г. ремонтирова-

ли его, а сами ютились в старой колонии малолетних преступников... К нашему счастью, нас никто никогда не баловал особенным вниманием. Поэтому мы пережили много тяжелых дней. Две зимы хлопцы не имели теплой одежды и обуви, но работы не прекращали» [5, с. 453]. В данной связи важно подчеркнуть, что превращение исключительно трудной обстановки в уникальную воспитательную среду, выстроенную в присущей только ему, «макаренковской», логике преобразования «копошащихся в грязи распущенных подростков, привыкших к пьянству и матерной ругани» в «ярких, оригинальных и самобытных людей» [6, с. 14], объясняется феноменом самого Макаренко, являвшегося воплощением теоретика, практика и мастера художественного слова. И.А. Соколянский, хорошо знавший А.С. Макаренко, отмечая его необычные способности, вспоминал: «Я допускаю, что в нашу эпоху не один Макаренко обладал таким «даром» проведения структуры личности воспитанника в каждый данный момент (я это особенно подчеркиваю) даже наверняка были и немало! Но у Макаренко это было выражено в такой степени, как ни у кого» [6, с.11].

Феномен А.С. Макаренко проявлялся и в редком таланте – «таланте оптимизма», который во многом определялся его высокой образованностью (на нее редко ссылаются исследователи), его особенным отношением к знаниям. Виталий Семенович Макаренко, младший брат педагога, в своих воспоминаниях отмечал его эрудицию в области литературы, истории, философии, естествознания, стремление пополнять арсенал прочитанных им книг новейшими изданиями, что было само по себе в то время делом достаточно сложным. Этот фундамент в немалой степени способствовал в последующем осмыслению Макаренко процесса социализации беспризорных детей в сочетании с воспитанием, что позволило педагогу выстроить свою деятельность в русле системного, целостного и педагогически целесообразного видения будущего своих воспитанников. И тогда, и особенно сегодня практика Макаренко представляется, в первую очередь, уникальным опытом (в современной терминологии) социальной реабилитации несовершеннолетних, беспрецедентным по результатам и времени их достижения, составивший основу «контекстуальной педагогики», последовательно ориентирующейся на контекст всей системы и требований времени [2, с. 66–67].

Но самым существенным основанием уникальности практики Макаренко можно считать то, что она, постепенно наполняясь «социальным оптимизмом», который целенаправленно культивировался педагогом, была устремлена в будущее. В письме А.М. Горькому Макаренко писал: «...общее настроение такое, чтобы ехать куда-нибудь на новое

место. По-прежнему мечтают об острове, о море, о колонии в несколько тысяч человек, о «Первом детском корпусе имени Горького». Пусть мечтают. Если хлопцы не мечтают, то они ничего не стоят» [6, с. 486].

Приходится констатировать, что в современной практике социальной реабилитации несовершеннолетних ключевая и самая плодотворная идея макаренковской педагогики – идея «завтрашней радости», либо вульгарно трактуется, либо просто остается не востребованной. Сегодняшние воспитанники детских пенитенциарных учреждений практически лишены той радостной перспективы, о которой говорил педагог. И в самой колонии, и особенно за ее пределами они находятся под влиянием старших, более опытных криминалитетов, а после освобождения этих подростков фактически никто не ждет ни в семье, ни в ближайшем окружении, что нередко является основной причиной рецидивов противоправных действий среди несовершеннолетних. Более того, в самих учреждениях, несмотря на их оснащенность неплохими бытовыми условиями, современным оборудованием для занятий учебной, спортивной, досуговой, производственной деятельностью, нет воспитательной среды, формирующейся по принципу Макаренко: как можно больше требовательности к воспитаннику и как можно больше уважения к нему. И одна и другая составляющая данной установки педагога в реальной практике не образуют единого целого, что является одной из причин криминальной иерархии и связанных с этим провокаций, насилия, закрепления в сознании воспитанников искаженных представлений о себе, своем будущем, которого они не видят вне криминальной или асоциальной среды.

Не менее важным методологическим вопросом макаренковедения является существовавшая долгие годы трактовка значимости педагогической системы А.С. Макаренко исключительно в плоскости идеи продуктивного социального воспитания детей и юношества, которая, безусловно, была центральной в его деятельности и литературном творчестве. Однако, феномен Макаренко, его жизнь и педагогическая деятельность фактически открывают проблемное поле вопросов, относящихся к профессионализму и мастерству педагога, которые особенно в контексте компетентностного подхода, приобретают особую актуальность, заслуживая отдельного рассмотрения [4].

Литература:

1. Богуславский М.В. А.С. Макаренко и М.С. Погребинский: переплетение судеб // Альманах А.С. Макаренко. – 2009. – № 2. – С. 54–55.
2. Дискуссии о Макаренко — международная панорама. Материалы 2-го Марбургского совещания (1–4 мая 1986 г.). — Мюнхен, 1989 (нем. и рус. яз.).

3. *Макаренко А.С.* Пед. соч.: в 8 т. – Т. 5. – М., 1983 – 1985.
4. *Макаренко А.С.* Пед. соч.: в 8 т. – Т. 4 – М., 1983 – 1985.
5. *Макаренко А.С.* Собр. соч.: в 4 т. – Т.4. – М., 1987.
6. Неизвестный Макаренко. Литературная серия. Вып.1 / Сост. Невская С.С. и др. – М.,1993.
7. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. 1917–1941 гг. / Под ред. Н.П. Кузина, М.Н. Колмаковой, З.И. Равкина. – М., 1980.
8. *Фролов А.А.* А.С. Макаренко в СССР, России и мире: Историография освоения и разработки его наследия (1939–2005 гг., критический анализ). – Нижний Новгород, 2006.
9. *Хиллиг Г.* Макаренко нужно переиздать: к 120-летию со дня рождения А.С. Макаренко // Педагогика. – 2008. – № 4. – С. 73–77.